

Антон Павлович Чехов

Речь и ремешок

Чехов Антон Павлович

Речь и ремешок

А. П. ЧЕХОВ

РЕЧЬ И РЕМЕШОК

Он собрал нас к себе в кабинет и голосом, дрожащим от слез, трогательным, нежным, приятельским, но не допускающим возражений, сказал нам речь.

- Я знаю все, - сказал он. - Все! Да! Насквозь вижу. Я давно уже заметил этот, так сказать э... э... э... дух, атмосферу, дуновение. Ты, Циц-юльский, читаешь Щедрина, ты, Спичкин, читаешь тоже что-то такое. Все знаю. Ты, Тупо-носов, сочиняешь... тово... статьи, там, всякие... и вольно держишь себя. Господа! Прошу вас! Прошу не как начальник, а как человек... В наше время нельзя так. Либерализм этот должен исчезнуть.

Говорил он в таком роде очень долго. Пронял всех нас, пронял теперешнее направление, похвалил науки и искусства, с оговоркой о пределе и рамках, из коих наукам выходить нельзя и упомянул о любви матерей... Мы бледнели, краснели и слушали. Душа наша мылась в его словах. Нам хотелось умереть от раскаяния. Нам хотелось облобызать его, пасть ниц... зарыдать... Я глядел в спину архи-

вариуса, и мне казалось, что эта спина не плачет только потому, что бояться нарушить общественную тишину.

- Идите! - кончил он. Я все забыл! Я не злопамятен... Я... я... Господа! История говорит нам... Мне не верите, верьте истории... История говорит нам...

Но увы! Мы не узнали, что говорит нам история. Голос его задрожал, на глазах сверкнули слезы, вспотели очки. В тот же самый момент слышались всхлипывания: то рыдал Цицюльский. Спичкин покраснел, как вареный рак. Мы полезли в карманы за платками. Он замигал глазками и тоже полез за платком.

- Идите! - залепетал он плачущим голосом. - Оставьте меня! Оставьте... Ммда...

Но увы! Выньте из часов маленький винтик или бросьте вы в них ничтожную песчинку - и останятся часы. Впечатление, произведенное речью, исчезло как дым, у самых дверей своего апогея. Апофеоз не удался... и благодаря чему же. Ничтожеству!

Он полез в задний карман и вместе с платком вытащил оттуда какой-то ремешок. Неча-

янно, разумеется. Ремешок, маленький, гряз-
ненький, заскорузлый, поболтался в воздухе
змейкой и упал к ногам архивариуса. Архива-
риус поднял его обеими руками и с почти-
тельным содраганием во всех членах поло-
жил на стол.

- Ремешок-с, - прошептал он.

Цицюльский улыбнулся. Заметив его
улыбку, я, и сам того не желая, прыснул в ку-
лак... как дурак, как мальчишка! За мной
прыснул Спичкин, за ним Трехкапитанский -
и все погибло! Рухнуло здание.

- Ты чего же это смеешься, - услышал я гро-
мовой голос.

Батюшки-светы! Гляжу: его глаза глядят на
меня, только на меня... в упор!

- Где ты находишься! А! Ты в портерной! А!
Забываешься! Подавай в отставку! Мне либе-
ралов не надо.